

«Репрезентации городской культуры: история и современность»: Всероссийская научно-практическая конференция (Ростов-на-Дону, 16 ноября 2016 г.)

Л.А. Штомпель

Аннотация. В статье осуществлен аналитический обзор докладов, представленных на Всероссийской научно-практической конференции «Репрезентации городской культуры: история и современность», которая состоялась 16 ноября 2016 г. в Южном федеральном университете. В конференции приняли участие представители 28 научных и образовательных организаций из 22 городов России и зарубежья. В рамках работы конференции было проведено различие между городской культурой и культурой города, определены пределы применения визуальных методов исследования городской культуры, в научно-исследовательский оборот введено понятие «петля репрезентации».

Цель данного обзора состоит в определении перспектив аналитического потенциала программы культурных исследований города и городской культуры. Основой для построения методологической базы исследования городской культуры выступает понимание не только ее символического характера, но и репрезентативного. Какое бы объективное содержание ни наличествовало в культуре, ее присутствие в «теле» города осуществляется через ряд посредствующих звеньев, каковыми выступают реальная практика поведения, стиль общения, внешний вид горожан, общегородские события и праздники, реализуемые сценарии освоения пространства города.

Ключевые слова: репрезентация, город, городская культура, образ города, публичное пространство, визуальные методы исследования.

“Representation of Urban Culture: the Past and the Present”: the National Scientific-Practical Conference

(Rostov-on-Don, 16 November 2016)

L.A. Shtompel

Abstract. The article presents an analytical review of the papers presented at the National scientific-practical conference “Representation of urban culture: the past and the present”, which took place on 16 November 2016 at Southern Federal University. The conference was attended by representatives of 28 scientific and educational organizations from 22 cities of Russia and abroad. As a part of the conference a distinction was made between urban culture and city culture, it was defined the limits of the visual research methods of urban culture application, the Research turnover term “loop representation” was introduced.

The purpose of this review is to determine the prospects of the analytical capacity of the city program of cultural studies and urban culture. The basis for the construction of a methodological study of the urban culture serves not only for understanding of its symbolic nature, but also of representative. Whatever the objective content in the culture is, its presence in the “body” of the city is carried out through a number of intermediate links, what are the actual practice of behavior, communication style, appearance of citizens, public events and festivals, the city sold the script development space.

Keywords: representation, city, urban culture, the image of the city, public space, visual research methods.

В общем поле исследований культуры все более активно разрабатывается направление, связанное с городом и городской культурой. Городу в этой связи «повезло» больше, так как он выступает объектом анализа и для социологов, и для градостроителей, и для историков, философов архитектуры, культур-антропологов, экономистов, географов, экологов. Наложение друг на друга предметных полей различных дисциплин, обращающихся к изучению города, сопровождается для некоторых из них сменой методологической парадигмы: от более или менее жесткого объективизма к необходимости учета особенностей повседневной жизни горожан и их культурных ориентаций. Изучая композиционную структуру города, городскую инфраструктуру, историю и социальную организацию городов, исследователи неизбежно обращаются и к культуре населяющих город жителей. Однако «культурологическая интерпретация» города сталкивается с определенными трудностями, связанными с многозначностью самого понятия «городская культура». При этом какой бы ракурс ее рассмотрения мы ни выбрали, любой из них предполагает обращение к репрезентации города и городской культуры, репрезентации, понимаемой как представленность, отображение конкретного города в преданиях и мифах об его истории, сведениях о деяниях известных горожан, в формирующихся или обновляемых городских традициях и праздниках, в реализуемых сценариях освоения публичных пространств города, в облике и стилях жизни самих горожан. Все эти представления о городе и горожанах выступают идеальными моделями, на которые действительно ориентируются живущие в нем люди, выстраивая свое поведение в нем. Разнообразие этих репрезентаций делает проблему их изучения достаточно сложной. Этой теме и была посвящена прошедшая 16 ноября 2016 г. в Институте философии и социально-политических наук Южного федерального университета Всероссийская научно-практическая конференция «Репрезентации городской культуры: история и современность», подготовленная кафедрой теории культуры, этики и эстетики и Донским философским обществом. В конференции приняли участие представители 28 научных и образовательных организаций из 22 городов России и зарубежья. Цель настоящей статьи – наметить перспективы аналитического потенциала программы культурных исследований города, опираясь на материалы представленных на конференции докладов.

Формируют образ города не только его история, но и многие социальные институты, прежде всего – искусство. Поэтому теме репрезентации города и городской жизни в художественных образах была посвящена солидная часть докладов. Свообразным камертоном, во многом определившим ход развернувшейся дискуссии, послужил доклад О.А. Кравченко «Донецкий текст: топос и пафос», в котором был проведен анализ специфики донецкой поэзии, репрезентирующей городской дух. Донецкий текст был рассмотрен в свете эстетических категорий возвышенного и патетического. Сделан вывод о взаимообусловленности ландшафта (городского топоса) и поэтических стратегий воссоздания облика Донецка.

В докладе С.А. Гончарова, Н.Н. Королевой и Ю.Л. Проект был проведен анализ связи процессов трансформации жизненного пространства мегаполиса и его образов

в фикциональном нарративе, прослеживалось наличие эффекта конвергенции, взаимовлияния и взаимопроникновения этих процессов. Авторы убедительно показали, что урбанистический фикциональный нарратив дополняет повседневную реальность города пространством экспериментирования с возможными и действующими социокультурными практиками.

Особую проекцию города составляют его звуки: «векторы» шума и тишины, гудки и звоны. Они репрезентируют жизнь города, занятия его жителей. Но не менее важны звуковые (в том числе музыкальные) предпочтения самих горожан. На улицах наших городов разъезжают автомобили с мощными акустическими системами, владельцы которых «делятся» с прохожими своими вкусами, подавляя всякую возможность не слышать этот шум. Чем не новая социальная практика? Однако анализировать ее в отрыве от реакций самих горожан не представляется интересным.

Если же обратиться собственно к современной городской музыкальной среде, то следует отметить, что она представляет собой мозаику разнообразных музыкальных жанров, стилей и направлений. Джаз в этой связи выступает одним из репрезентантов городской культуры. В связи с этим О.Е. Алпатова в докладе «Трансформации джазовой музыкальной культуры Самары» задается вопросом: почему в некоторых городах (как, например, в Москве, Уфе, Ростове-на-Дону) джаз занимает одно из ведущих мест в музыкальной жизни города, а в других этого не происходит. Джаз активно интегрировался в музыкальное пространство российской городской культуры начиная с 1920-х гг., зачастую встречая «сопротивление» региональных культурно-музыкальных традиций, представленных бытовой, самодеятельной, фольклорной культурами, с одной стороны, а с другой – академической, профессиональной. Проследивая вхождение джаза в уже сложившуюся культурную среду Самары, О.Е. Алпатова приходит к выводу, что, несмотря на устоявшуюся традицию академической, классической музыки, джаз в городе занимает прочное место как самостоятельный жанр искусства.

Весьма распространена точка зрения, что город обезличивает этнокультурные традиции и идентичность, искажает их, наполняет заимствованным содержанием и, в конечном счете, стандартизирует, нивелируя этнически окрашенные черты и особенности быта. Эту точку зрения опровергает доклад В.Н. Бадмаева, Г.П. Кальдиновой и М.Б. Марзаевой, которые обращаются к этнокультурным традициям, нашедшим выражение в визуальном образе города Элисты. Авторы показывают, как в современной Элисте воспроизводятся и сохраняются этно-региональные особенности, помогая горожанам и гостям города осмысливать историческое прошлое и настоящую действительность. Начиная с 1990-х гг., когда образ Элисты актуализировался в качестве национальной столицы, главное направление в архитектурно-градостроительной деятельности руководства города заключалось в создании его особого этнокультурного колорита. Региональное структурирование нового образа столицы республики было основано на формировании бренд-образов: Элиста – уголок Востока в Европе; Элиста – буддийский центр; Элиста – шахматная столица. Существенные изменения в облике столицы

произошли со второй половины 1990-х годов, когда в художественном убранстве основных публичных пространств города появились элементы восточной архитектуры.

Обращает на себя внимание доклад А.В. Даркиной, посвященный изучению Парижа как пространства бытия героев романа Ж.-П. Сартра «Дороги свободы». Показано, что хронотопы городского пространства могут пересекаться с хронотопами времени и оставаться неизменными как в мирное, так и в военное время (во время оккупации Франции немцами в 1940 г.). Экзистенциализм как философская категория и принцип жизни налагает отпечаток на самоощущение героев произведения, выдвигая на передний план идеи постмодерна как ведущего онтологического статуса.

В докладе А.В. Ермишиной рассматриваются образы города в советском декоративно-прикладном искусстве с точки зрения взаимодействия традиции и идеологии. Изучается влияние на образы политических ритуалов и пропаганды, социальных изменений и новых моделей идентичности. Автор прослеживает, как художественные промыслы продолжали воспроизводить мотивы, символы и топоры, связанные с исторической и сакральной памятью, с ценностями национальной и локальной культуры.

Репрезентация города осуществляется и посредством познания городской телесности. В докладе Е.Л. Яковлевой объектом исследования становится городское пространство, заполняющееся импрессионистскими тонами, связанными с эмоциями и впечатлениями интерпретатора. Индивид, осваивая город, делает его пространство близким/далеким, своим/чужим, понятным/непонятным. Познание городской телесности происходит одновременно посредством интеллектуальных, эмоциональных и интуитивных составляющих. Метафора городского тела появляется вследствие восприятия города как живого, одухотворенного существа, обладающего антропоморфными чертами. В метафоричности восприятия города высвечивается и половое различие: каждый город суть символ мужского или женского начала, что наделяет его дополнительными характеристиками.

Репрезентация города через его сакральные центры была представлена в докладе Г.В. Драча на материале античных Афин, в которых были выделены три таких центра: Агора (городская площадь); Акрополь («верхний город», здесь располагался Парфенон) и Ареопаг (священный холм, где обсуждались важнейшие государственные дела). Главные европейские ценности – Закон, Право, Справедливость – репрезентируют особый образ жизни, целый мир, в котором греки любили «красоту без прихотливости, а мудрость без изнеженности». Понимание греческой и всей европейской культуры невозможно без репрезентаций городской культуры как реального бытия общественного человека.

Формирование образа города осуществляется не только посредством искусства. На это обратил внимание в своем докладе А.А. Кириллов, рассматривая основные способы конструирования образа сакрального града в восточно-христианской

традиции. Фактическим материалом послужили основные историософские тексты, характерные для византийской культуры. Была прослежена динамика связи сакрализации образа города в языческой и следующей за ней христианской культуре.

А.А. Антонова и Л.Г. Гороховская на примере коворкинга в университетском городке рассмотрели вопрос о возникновении и развитии публичного пространства в формате «третьего места» (по концепции Р. Ольденбурга). Были определены факторы его создания, проанализированы процессы наполнения фактически «пустого» пространства путем реализации мероприятий различной направленности и активного вмешательства в среду пространства ее посетителей.

Одним из способов решения актуальной на сегодня проблемы брендинга регионов выступает культурный туризм. Экскурсиям как форме культурного туризма было посвящено несколько докладов. Так, Л.И. Григорьева рассмотрела роль экскурсии как формы интерпретации культурного пространства города на примере Симферополя. Будучи воротами Крыма, Симферополь чаще служил пунктом временного пребывания гостей полуострова. Но пространство города обитаемо с давних времен, сохранились разновременные выразительные памятники культуры, которые, благодаря экскурсиям, могут служить воспитательным и просветительским целям.

Е.В. Миронова на примере уездного города Тетюши Казанской губернии раскрыла панораму общественной жизни провинциального города. Исследуя деятельность общественных организаций и участие в них горожан, Е.В. Миронова вскрыла причины активизации общественного развития на рубеже XIX–XX вв., обусловленные взаимосвязью экономической и социальной жизни города.

Особую роль в городской культуре играли университеты. Это положение справедливо и для Ростова-на-Дону, который получил мощный импульс для своего культурного развития с переездом в него в 1915 г. Императорского Варшавского университета. И вот уже более ста лет университет выступает как один из наиболее активных культурных агентов. Университет репрезентирует себя многими способами. А.Е. Иванеско задался целью показать, как осуществляется репрезентация университета с помощью мемориальных досок: с одной стороны, мемориальные доски представляют собой определенный способ самопрезентации университета в публичном пространстве, с другой – это одна из форм существования университетской истории в супертексте города. В докладе была проанализирована специфика трех форм мемориализации с помощью памятных досок: мемориализация места (Городской доходный дом, Доходный дом Кистова), имени (Д.И. Ивановского, Д.Д. Мордухай-Болтовского, Л.А. Велихова, Ю.А. Жданова, Э. Борко, А.И. Солженицына) и события (размещение Варшавского университета).

Визуальные средства репрезентации истории города и городской культуры весьма разнообразны. Так, С.А. Шпагин остановился на проблемах визуализации трагедии Холокоста на территории Ростова-на-Дону. Он подчеркнул, что прежняя практика

визуализации трагедии мирных советских граждан должна быть усовершенствована на основе учета международного опыта визуализации жертв Холокоста.

В.П. Макаренко предложил несколько «оптик» для описания южно-российских городов вообще и Ростова-на-Дону в частности: мера банальности/оригинальности; степень универсальности административных различий; соотношение природного и городского «царства» в каждом городе. Под каждую «оптику», показал докладчик, можно подвести соответствующую картину, опираясь на авторский инструментарий концептологического анализа общих и конкретных проблем города Ростова-на-Дону.

О.М. Штомпель считает, что концепт культуры «город» имеет амбивалентный характер, это фиксируется, например, в сказочной дихотомии «золотой город / подземный город». Концепт «город» является репрезентацией сущности культуры на различных исторических этапах ее развития от мифологического образа города до религиозного («Небесный Иерусалим»), от утопического идеала (проекты Леонардо да Винчи, Альберти, Филарете, Франческо ди Джорджо Мартини) до индустриального города эпохи капитализма (город «желтого дьявола»).

В докладе Е.В. Севостьяновой были рассмотрены благотворительные публичные практики жителей городов Забайкальской области в период Первой мировой войны. Выявлены наиболее популярные формы массовых благотворительных акций; прослежены трансформация роли детей в публичной благотворительной деятельности и изменение детского общественного досуга.

Город – это поле языковых контрастов, сосуществования разных диалектов и социолектов, пиджинов и литературного языка. Всё чаще горожане в своей речи используют ее разные регистры в зависимости от коммуникативной ситуации. В этой связи особый интерес представляют работы, посвященные закреплению социальных практик в повседневной городской жизни за счет рутинизации социальных (языковых) действий. В докладе Е.А. Карпушиной с помощью метода языкового ландшафта (исследования языка придорожных плакатов, рекламных щитов, табличек – названий улиц и площадей, вывесок на магазинах и общественных учреждениях) удалось показать присутствие в Хельсинки не только официальных языков – финского и шведского, но также русского и английского.

А.Я. Сарна представил различные концепции публичного пространства города и определил специфику социокультурного, структурно-функционального, семиотического и феноменологического подходов в трактовке коммуникации как взаимодействия между горожанами, а также между жителями и городом. Представляя город не только как место для жизни, но и как образ жизни, а коммуникацию и взаимодействие между людьми и городской средой как важнейший аспект существования в городе, А.Я. Сарна приходит к выводу о том, что социальная коммуникация в городской среде встроена в структуры повседневности, так как общение

с незнакомцами воспринимается как нечто само собой разумеющееся в повседневных практиках людей; более того, коммуникации конструируют повседневность: в коммуникациях городская среда становится не просто местом действия, но также формирует образ жизни, потребности и интересы личности, выстраивает ее жизненный мир.

Современные технологии меняют культуру в целом и городскую культуру в частности: при использовании новых медиа как интерактивных средств взаимодействия в городе возникают разнообразные новые формы коммуникативных практик (виртуальные сообщества, флешмобы, геолокационные игры). Этому аспекту современных городских практик были посвящены доклады Т.О. Бердник и Е.Г. Тихомировой. Так, Е.Г. Тихомирова обратила внимание на то, что активный рост числа изобретений программируемой техники, рост прибыли в этой сфере, а также возрастание эффективности применения «умных» устройств во всех сферах жизни человека обозначили факт проникновения smart-технологий в культуру. Smart-пространство – это уже не параллельный «цифровой» мир XX в., а такая реальность, в которую человек научился проецировать свое Я, а затем выводить обратно, материализуя при помощи новых технологий (3D-графики, 3D-видео и других высокотехнологичных методов). Те действия, которые организуются smart-поколением (флешмобы, монстрации, перформанс, флюксус, хэппенинг, «критическая масса») для достижения коллективных целей (например, политических протестов, эпатазирующих психологических сцен, абсурдных манифестаций), служат примерами обозначения нового субъекта в алгоритмизированном мире.

Технологии программирования сегодня продолжают развиваться, обозначая кризисность прежних («неоцифрованных») культурных систем, и, как следствие, острое желание Я обрести стабильность в фиксации жизненных действий. Smart-пространство обозначило прозрачность границы между приватным миром человека и публичным, открыло «дверь» из комнаты с веб-камерой в мир тысяч глаз – в «мировой город», где каждый может выбрать: быть или казаться. В этой связи особый интерес представляют практики освоения публичных пространств города, которые были проанализированы в докладах И.Н. Дашибаловой, Р.А. Евтехова, Д.А. Коршуновой, Ю.А. Кузовенковой, Е.В. Севостьяновой, А.С. Черновой.

Особенности быта и проблемы культурного развития горожан в разные исторические периоды развития России получили отражение в докладах А.А. Винничука, А.В. Кривоконь, Е.В. Мироновой, М.В. Недорезова, И.С. Томилова, Т.П. Урожаевой, Т.А. Федотовой, В.Н. Федотова.

Таким образом, основой для построения методологической базы исследования городской культуры выступает понимание не только ее символического характера, но и репрезентативного. Какое бы объективное содержание ни наличествовало в культуре, ее «присутствие» в «теле» города осуществляется через ряд посредствующих звеньев, каковыми выступают реальная практика поведения, стиль общения, внешний вид горожан, общегородские события и праздники, реализуемые сценарии

освоения всего пространства города. Наличие замещения в актах репрезентации означает реализацию возможности отрыва действительного (но скрытого) содержания культуры от того, которое демонстрируется, показывается, предписывается. Этот момент и накладывает ограничения на визуальные методы исследования. Мы ни в коем случае не отказываемся от них, но видим пределы их применения.

Через репрезентацию культура приобретает свою «собственную действительность». Репрезентация культуры становится, таким образом, общественным событием. Иначе говоря, в соответствии с современной парадигмой аналитической культурологии, недействующей культуры нет, поэтому и городскую культуру мы должны рассматривать через ее репрезентативные формы. Именно поэтому так притягательны попытки сделать более прозрачным принятие решений о судьбах городов – репрезентировать сам ход обсуждения и принятия управленческих решений. Лео Холлис приводит примеры «архитектуры прозрачности»: стеклянный купол над бундестагом, «стеклянное яичко» новой лондонской мэрии, гигантский перископ в проекте таллинской ратуши [Холлис, 2015] – всё это, по замыслу архитекторов, должно способствовать повышению доверия к управленцам городского уровня.

Ход дискуссий показал, что, анализируя способы освоения публичных пространств и городскую культуру в целом, мы имеем дело с двойной репрезентацией: город репрезентируется через рассказы и изображения самого города, его жителей, событий, в нем происходящих, но принятие тех или иных сюжетов само по себе выступает репрезентантом культуры тех, кто их принимает и транслирует. Фиксация наличия петли репрезентации обязывает исследователей перенаправить исследовательскую оптику с описательного уровня различных проявлений городской культуры на «двойные петли» репрезентации, другими словами, любая социальная практика, новшество или рутинное действие должны быть описаны и проинтерпретированы не только с точки зрения их влияния на индивида, но выступать показателем развития самого человека: то, что мы реально принимаем, говорит о нас больше, чем наши оценочные суждения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Холлис Л. Города вам на пользу. Гений мегаполиса. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

REFERENCES

Hollis L. *Goroda vam na pol'zu. Geniy megapolisa* [Cities are good for you. The genius of the metropolis]. Moscow: Strelka Press, 2015. 432 p. (in Russian).